

Облавная охота бурят как отражение ранней формы социальной организации

Коллективная облавная охота — яркий памятник культуры бурят. Средневековые письменные источники содержат множество указаний на существование в то время у степных племен грандиозных облавных охот под предводительством вождей племенных объединений. Коллективная охота кочевников-скотоводов получила широкую известность в научных кругах России в конце XIX в., благодаря работам М.Н. Хангалова. Он написал целый ряд ценнейших научных трудов, в которых нашли отражение многие стороны жизни бурят: хозяйство, материальная культура, общественный строй, шаманство и фольклор предбайкальских бурят. Однако излюбленной его темой была "эпоха зэгэтэ-аба" - коллективная облавная охота, яркий феномен кочевнической культуры народов Центральной Азии, сохранившийся в зафиксированном виде только у бурят. Появление в 1910 г. статьи М.Н. Хангалова в соавторстве с Д.А. Клеменцем "Общественные охоты у северных бурят "зэгэтэ-аба — охота на росомах" в "Материалах по этнографии России" не только способствовало ее популярности, но и вызвало острую полемику среди ученых того времени. Проблемы, поднятые в ней, не оставляют равнодушными и современных исследователей.

Повсеместное распространение коллективных охот у бурят подтверждается статьей хоринского тайши И. Вамбоцыренова, который записал порядок проведения облавной охоты *аба хайдак* со слов 80-летнего бурята галзотского рода Сангита Аюшиева. Работа была опубликована в "Известиях ВСОИРГО" в 1890 г. Ее отличает четкая последовательность и скрупулезность изложения материала, что дает возможность предполагать участие информатора в облавных охотах. В небольшой по объему статье создана впечатляющая картина облавных охот у хоринских бурят начала XIX в.

Эти материалы положили начало исследованию проблемы в пределах центральноазиатского ареала, так как у других народов Центральной Азии не сохранилось данных об облавных охотах, хотя они были им известны, на что указывают полевые материалы СИ. Вайнштейна, СМ. Абрамзона и Л.П. Потапова. Согласно средневековым письменным источникам, кочевому скотоводству как виду хозяйственной деятельности постоянно сопутствует облавная охота: "по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевой охотой и тем пропитываются"; "следуя за травой и водой, занимаются звероловством"; "Временами собираются для охоты, по окончании охоты расходятся"; "когда охотятся, то все свищут (в знак сбора), по окончании расходятся"; "Они (хунны) в нескольких десятках тысяч конницы занимались охотой" (*Жамбалова*. 1991. С. 5-12).

Существование облавной охоты в среде монгольских кочевников в XIV в. отражено в записках очевидцев, побывавших в ставках монгольских ханов, а впоследствии и у Рашид-ад-дина. О распространении облав в более позднее время говорят полевые материалы современных монгольских ученых. Однако все вышеперечисленные данные носят поверхностный характер и представляют собой краткие упоминания о существовании такой охоты.

Бытование коллективной охоты у бурят впервые отмечено путешественниками XVII-XVIII вв., в дальнейшем оно находит отражение в этнографических исследованиях конца XIX - начала XX в. Сохранившиеся до настоящего времени в памяти старожилов воспоминания об облавной охоте,

выявленные С.Г. Жамбаловой в 1982-1985 гг., несколько дополнили известные источники по данной теме и способствовали новой постановке вопроса об облавных охотах у бурят.

В бурятском языке, по данным этнографии, существует несколько названий коллективной облавной охоты: *зэгэтэ аба*, *аба хайдак* (*хайгта аба*), *хушуута аба*, *галшата аба*. Общим для всех названий является *аба*, означающее "облава", "устроить облаву". Слова *аба* и *абала* в значении "охота" представлены в "Древнетюркском словаре". Корень - основа *аб/ав* является общим для алтайской языковой семьи и означает прежде всего охоту на зверей, дичь, облаву. Сравнительно-историческое исследование слова *ав* позволило Э.В. Севортыану провести генетическую связь со словами "сеть", "тенета", "невод", "загон", "село", "световое кольцо вокруг луны" и прийти к выводу о наличии комплексной семантической связи слов "охота", "ловля", "сеть (ловушка)" (Севортыан. 1974. С. 158).

Наиболее верная этимология парного слова *зэгэтэ аба* принадлежит В.А. Михайлову, предложившему транскрипцию *зэгтэ*, потому что таково произношение этого слова у северных бурят. Слово *зэгтэ* он производит от слова *зэг* - "волосяная веревка в три скрутки, используемая в обрядах". Все это позволило ему прийти к выводу, что выражение *зэгтэ аба* необходимо переводить как "охота круговая (окружением зверей, сомкнутием их в кольцо, облавой, охота цепью) или знаменная (с известными правилами и запрещениями во время общественной облавы)" (Михайлов. 1913. С. 182).

Лингвистические материалы дают возможность предполагать существование различных способов проведения облавных охот *Аба хайдак* (*хайхта аба*) -выслеживающая, кратковременная, одноразовая охота. Облава — *хушуута аба* (*хошууд*) — проводилась при авангардном положении центра (*туб*) по отношению к крыльям облавы, тогда ее конфигурация была клинообразной, вытянутой. В монгольском языке есть слово *хошууд* — "построение войска типа клина или морды". В средневековых письменных источниках отмечается, что "в сражениях не строятся в ряды, отделившеюся головою (то есть острым клином) производят натиск" (Бичурин. 1950. С. 215). На вариабельность центра (*дондо*), его авангардное или арьергардное для всего войска положение указывал Г.Г. Стратанович (Стратанович. 1974. С. 227).

Наиболее значительной, важной в экономическом и идеологическом отношениях была, вероятно, облава *галшата аба* (*галша* — шаман), то есть облава под руководством шамана. Возможно, небольшие облавы (*аба хайдак*) предшествовали масштабным охотам. Они проводились небольшой группой людей (до 300 человек) с целью разведки охотничьих угодий и изучение рельефа местности. А более крупные облавы с участием до 1000 человек проводились под руководством шамана, охватывали длительный промежуток времени и имели определенную ориентированность на решение специальных задач.

В бурятских облавах можно выделить своеобразную иерархическую лестницу участников, основу которой составляла общинная масса (*абын зон*), разделявшаяся на группы по 20 человек, которая подчинялась малгаю. Захулы были ответственны за порядок проведения облав и соблюдение дистанции между облавщиками, *газарша* или *гар баряаша* возглавляли крылья облавы, между которыми в центре находился *тобши*. Над ними возвышался *галша* — главный распорядитель облавы, "во время религиозных обрядов он — верховный жрец, в военных действиях — главный полководец" (Хангалов. 1958. Т. 1. С. 69).

В облавной охоте предбайкальских бурят начала XX в., восстановленной С.Г. Жамбаловой по собственным полевым материалам, принимали участие только мужчины (М.Н. Хангалов допускал возможность участия в облаве женщин), которые объединялись в группы по родам и улусам. Каждое объединение имело свой отдельный огонь (*гал*) и хранителя огня (*галшин*), в обязанности которого входили также разбивка бивака, приготовление пищи и хранение охотничьей добычи. Основной массой охотников были рядовые общинники (*абын зон*), которые составляли два крыла, возглавляемые двумя *гар баряаша*, кроме того, в каждом крыле было по два захула, первый располагался впереди фланга облавы, второй замыкал линию облавщиков. В центре облавы находился *тобши*, который осуществлял

общее руководство всей охотой (Жамбалова. 1991. С. 92).

В *аба хайдаг*, коллективной охоте забайкальских бурят, центральное место в трехчастной ее структуре занимал *тубучи*; во главе флангов находились *хошучи*; за ходом облавы следили *засулы*; *газардчи* определял места охоты и стоянок; *доторчины* подкарауливали зверей в засаде. Одиннадцать хоринских родов, обязательные участники *аба хайдак*, делились на семь огнищ, каждая группа имела свой пароль или клич. Галчи, хранители огнищ, заслышав приближение облавщиков, закончивших дневную охоту, призывали членов своего огнища протяжными кликами пароля (Вамбоцыренов. 1890. С. 32).

Роль и значение каждого из действующих лиц в процессе облавной охоты выявлено С.Г. Жамбаловой на основе морфологического и этимологического анализа их названий. Это позволило выделить общее и особенное в *зэгэтэ аба* и *аба хайдаг*, проследить их модификацию в процессе исторического развития.

Галша (*галшин*, *галчи*) имеет в основе корень *гал* ("огонь") и суффикс *-ша*, показатель профессии или деятеля. Это дает основание говорить о том, что его высокое положение в обществе было связано первоначально с культом огня. Он был хранителем родового огня. Впоследствии эта обязанность становится привилегией шаманов. Шаманство вбирает в себя этот культ. Роль шамана, его значение в обществе все более усиливается, он начинает совмещать в одном лице функции шамана, вождя, военачальника. Расцвет *зэгэтэ аба* представлял собой, по описанию М.Н. Хангалова, наивысшую точку в историческом развитии роли галши, которому беспрекословно подчинялись все участники *зэгэтэ аба*, а когда облава заканчивалась, галша оставался управителем в обыденной жизни на летних стоянках. Первоначально это было выборное лицо, при этом немалую роль играли личные качества претендента: ум, сила, выносливость, умение метко стрелять из лука, ориентироваться на местности. В более позднее время эта должность стала передаваться по наследству, как было в ардайсской облаве. Но имеются сведения о том, что руководителей облавы избирали на сходке (*суглане*) (Хангалов. 1958. С. 27).

В данном случае перед нами факт существования вождей, власть которых распространялась в основном на период облавных охот, а в более раннее время, возможно, и на длительный срок. Подобное явление было характерно для монголов средневековья, которые выбирали ханов для ведения войн и организации облав, власть ханов была очень слабой, сила вождя зависела от могущества рода или группы родов, которые выдвигали его (Владимирцов. 1934. С. 79).

Функции галши на протяжении длительного исторического промежутка времени претерпели определенные изменения. Если галша *зэгэтэ аба* раннего периода олицетворял собой светскую, военную и духовную власть в силу личных преимущественных качеств охотника, воина, шамана, то в облавных охотах начала XX в. сфера его деятельности суживается. Здесь он выступает уже только в роли хранителя очага. Модификация функции галши связана, вероятно, с произошедшими в жизни бурят экономическими и социальными изменениями.

Назначение непосредственного руководителя облавы - *тобши* (*тубучи*) - остается в течение длительного периода без изменений. Во всех зафиксированных облавах он возглавляет центр триады. Само слово образовано от корня *туб* (*тов* - в монгольской орфографии), что означает "центр, центральный", и суффикса *-ша* и содержит в себе характеристику этого действующего лица как центрального, находящегося в центре облавы. М.Н. Хангалов усматривал в слове *тобша* значение "пуговицы", которая "как бы застегивала оба крыла *зэгэтэ-облавщиков* в одно". Такое объяснение с точки зрения функциональной нагрузки представляется вполне оправданным. Оно довольно образно определяет круг обязанностей *тобши* на облаве.

Существует мнение о синонимичности слов *галши* и *тобша* в значении "жрец огня, блюститель огня". В данном случае более вероятным считается образование слова *тобша* от корня *отог* ("огнище")

(Бертагаев. 1973. С. 124-125).

Для обозначения передовых флангов облавы в зэгэтэ аба М.Н. Хангалов приводит два варианта: *газарша* и *гар баряша*. Вероятно, более приемлемо второе словосочетание, состоящее из двух слов: *гар* - "рука, фланг" и *баряша*. Слово *гар* у степных народов алтайской языковой семьи входит составной частью в ряд терминов военного дела: *зун гар* ("левое, восточное крыло"), *барун гар* ("правое, западное крыло") у монголоязычных народов; *он гар* ("правый фланг войска"), *сол гар* ("левый фланг войска") - у тюркских народов. Эти примеры говорят в пользу правомерности существования слова *гар баряша*, а не *газарша* в значении "руководитель флангов облавы".

В *аба хайдак* эту роль исполняли *хошучи* - "отборные люди", обладающие хорошими лошадьми и ловкостью в стрельбе, они ехали "впереди двух крыльев облавы, оглашая леса протяжными криками". В современной орфографии это слово имеет форму *хушууша* - "вожак", в данном случае - вожак определенного крыла, клина или фланга. Возможно, существование этого слова в среде забайкальских бурят указывает на бытовавшее в более раннее время одной из разновидностей облавной охоты — *хушуута аба*.

Газарша - проводник, знаток местности - подыскивал места для охоты и стоянок, изучал местность. Тактика и стратегия облавы, вероятно, во многом зависели от рельефа охотничьих угодий, поэтому важное значение для определения структуры будущей облавы имело предварительное знакомство с местами предстоящей охоты. Подтверждением этому служит характеристика функции *газардчи* в *аба хайдак*, где "потребность в *газардчи* лишь при определении мест для облавы и последующего ночлега".

Представители средней прослойки (*захулы*) в иерархическом делении участников зэгэтэ были непосредственно связаны с рядовыми охотниками, их количество на охоте находилось в прямой зависимости от общего числа облавщиков. Они следили за порядком проведения облавы, добивались быстроты и четкости во время окружения зверей, способствовали соблюдению дистанции между охотниками.

В *зэгэтэ аба* более позднего периода (начало XX в.), по сведениям старожилов Эхирит-Булагатского района Иркутской области, на каждое крыло облавы ставили двух *захулов*, что, вероятно, было связано с сокращением общего количества участников облавы. В *аба хайдаг*, облаве забайкальских бурят, было два *захула*. Они относились к главным распорядителям охоты и состояли в этих званиях продолжительные сроки. *Захулы* также следили за порядком проведения облавы, а по ее окончании разбирали возникшие на охоте спорные вопросы. Слово *закуул* (*захул*, *засул*) имеет тюркское происхождение, в монгольских языках выступает в значении "распорядитель, устроитель, часовой, офицер".

Следующее действующее лицо *зэгэтэ аба* — *малгайша* — руководил двадцатью охотниками, в его обязанности входило обеспечить их явку на охоту, они, в свою очередь, беспрекословно подчинялись ему. М.Н. Хангалов производит это слово от основы *малгай* - "шапка", других его значений в настоящее время в языке не выявляется. Во время облавной охоты шапка использовалась в качестве залога беспрекословного подчинения правилам охоты. В начале облавы каждая группа из 20 охотников оставляла главному распорядителю по одной шапке в знак взаимной верности и честности на промысле. Возможно, отсюда образовалось слово *малгайша*.

Привлекает внимание отсутствие в бурятской облаве традиционного для кочевых народов Центральной Азии подразделения по десятиричной системе, хотя его рудименты выявляются и свидетельствуют о распространении этого явления на территории расселения бурят. При распределении повинностей (участие в облаве было обязательно для каждого рода или улуса) за основу брали цифру десять: "От каждых десяти выходит один конный" (*Хангалов*. 1901. С. 5).

Довольно интересная информация содержится в факте деления облавщиков на группы по 20

человек. Это упоминание не единично и не случайно. Родовые старосты назывались "начальниками пятидесяти" или "двадцати" (*табиной* или *хориной*); роды часто именовались "табин" или "хорин" (50 или 20). Аналогичным представляется характерное для общественного строя монголоязычных племен деление отоков и аймаков на группы в 40 и 20 айлов. Б.Я. Владимирцов связывает эту особенность с существованием деления по две сотни, имевшего место в их истории и с течением времени исчезнувшего.

Основным признаком, характеризующим *аба хайдак* как наиболее поздний вариант облавы, является наличие в ней "охотников, находящихся в глубине облавы", так называемых *доторнин* (от слова *дотор* - "глубь, глубина, внутренний"). Это были в основном знатные и богатые люди, они занимали удобные для охоты места и стреляли в выходявших на них зверей. Простолюдины в данном случае исполняли роль загонщиков. Присутствие загонщиков и стрелков в облаве изменяет ее принципиальную структуру и приближает к загонным охотам, которые также имели место в среде бурят. В то же время подобное разделение труда на охоте наблюдалось и в более раннее время. В средневековье представители военной дружины и предводители родов "во время облавных охот занимали лучшие места, били дичь по выбору и пользовались львиной долей добычи" (Владимирцов. 1934. С. 112).

Структура охотничьего сообщества в некоторой степени является отражением иерархической структуры общества в целом. В среде бурятского населения в XVII в. по русской официальной терминологии различались следующие социальные группы: 1) "князцы"; 2) знатные люди; 3) улусные люди, мужики ясачные; 4) холопы. "Подобная стратификация имела место и в последующие периоды. С 1819 г. при распределении повинностей и податей было установлено разделение бурят "на классы по состоянию на четыре разряда" (Кудрявцев. 1940. С. 168). Существовала своеобразная иерархия и при административно-территориальном делении бурят, основанная на подчиненности мелких групп более крупным объединениям. В бурятском обществе XVIII—XIX вв. были распространены следующие ступени местного управления по возрастающей линии: *закуул* стоял во главе улуса; *шуленга* — во главе объединения улусов (холбоны или та-бины); *зайсан* или *тайша* — во главе объединений холбонов, "поколений".

Однако ни в коей мере не уравниваются иерархия охотничьего объединения и сословные группы бурятского общества. Но, возможно, именно эфемерные вожди облавных охот стали выделяться в наиболее состоятельные группы людей, составивших впоследствии бурятскую знать, из числа которых избирались тайши, шуленги, заһуулы. Эта закономерность прослежена в работе Л.П. Потапова на материалах других сибирских народов (Потапов. 1934. С. 75-76). Аналогичная картина вырисовывается по данным фольклора и этнографии в социальной специфике военной организации киргизов (Абрамзон. 1945. С. 171—172).

Имеющиеся материалы дают возможность провести реконструкцию принципиальной модели облавы, всеобщей для народов центральноазиатского региона с ХКТ кочевников-скотоводов. Облавная охота имела огромное экономическое значение в жизни кочевников и поэтому представляла собой хорошо разработанный общественный институт с развитой системой социальных отношений. В облавной охоте участвуют только мужчины: облава — мужское занятие. Участие в коллективной охоте было обязательно для каждого рода или улуса, эта обязанность была распространена и в средневековье. Так, в "Сокровенном сказании" богатыри, выбирая Темучина своим предводителем, клянутся ему: "В облавах на зверей мы будем выступать прежде других и пойманных (нами) зверей будем отдавать тебе" (Сокровенное сказание. § 202). Конкретное место и функции в облаве являлись своеобразным показателем принадлежности рода или улуса к определенному объединению в структуре общества, служило показателем незыблемости статуса в этом объединении; выход из облавы указывал на прерывание существующих отношений и связей.

На облаве существовала строгая дисциплина, на что указывал И. Вамбоцыренов; "Тех, кто опаздывал, привязывали за секретные органы тела к поводу узды и водили вокруг толпы" (Вамбоцыренов. 1890. С.

30). Не наказывали только безлошадных бедняков. Однако они всеми силами стремились попасть на облаву и просили у богатых лошадей.

Время проведения облавы определялось на сходке (суглане) за полмесяца или месяц до начала. Охота обычно назначалась на пятнадцатый день "первой зимней луны". Это было связано с существованием солярно-лунарных циклов и производных от них культов. Проведение облавных охот в соответствии с лунным календарем и циклом свидетельствует о большой архаичности института.

Имелись определенные места сбора на облаву: хоринские буряты собирались у р. Хара-Осун; место сбора на облаву у предбайкальских бурят называлось *тобша*; у монголов место сбора охотников было связано, вероятно, с общим огнем и называлось *от* ("огонь") (Бертагаев. 1973. С. 125).

Буряты специально готовились к облаве и являлись нарядно одетыми на обученных лошадях, с провизией. Те, кто имел старинные доспехи, облачались в них. Даже в более позднее время снаряжение состояло из луков, стрел, колчанов, налучий, копий, ножей.

По прибытии на место облавы каждый род или улус разжигал свой огонь, совершал обряды, ночь проходила в играх и развлечениях, а днем (с рассвета до заката) добывали зверя (за день делали несколько облав), вечером производили раздел добычи, разрешали спорные вопросы, устраивали трапезы и проводили обряды. На следующий день облавщики отправлялись на охоту, а газарши и галлши переводили бивак на новое место вслед за продвигающимися охотниками.

Бурятские облавы имели традиционную для кочевых народов Центральной Азии трехчастную структуру: два фланга (крыла) облавы и центр. По данному руководителем центра (*тубша*) сигналу предводители крыльев облавы продвигались в диаметрально противоположных направлениях вперед, за ними на определенном расстоянии друг от друга двигались облавщики под наблюдением засулов. Постепенно цепь замыкалась, оба крыла, смыкаясь, образовывали круг охоты. Круг охватывал большую площадь. Затем все участники сразу устремлялись к центру круга и гнали туда всех зверей, устраивая массовую бойню.

Материалы облавной охоты свидетельствуют о существовании пережитков возрастных классов и мужских союзов у бурят. Первоначальные формы этого, видимо, давно утеряны, и данные о их распространении не сохранились. Но более поздние их проявления прослеживаются в виде отдельных признаков половозрастных группировок. С.П. Толстов, впервые поставив проблему возрастных классов у народов Востока, отмечал возможность более широкого распространения этого института среди центрально- и среднеазиатских племен в прошлом.

В теоретическом плане важно то, что мужские союзы у многих народов всегда были связаны с охотой (в стадийном плане мужские союзы относятся к обществу с охотничьей формой хозяйства), а также то, что мужские союзы могли существовать без специальных домов. Доказательством существования пережитков мужских союзов у бурят является сохранение ритуальной специфики облавной охоты на более высоких уровнях развития производительных сил. Привлекает внимание факт существования отдельного для каждого рода или улуса огня и наличие специального человека, ответственного за его разведение и поддержание во время коллективной охоты. Несомненно, это был родовой огонь, имеющий сакральное значение. В классических мужских домах также постоянно поддерживается огонь. С этим материалом ассоциируется существование в Средней Азии "домов огня", которые считаются пережитками мужских домов раннемусульманской Согдианы (Толстов. 1948. С. 97-98).

Одним из пережитков мужских союзов являются выделяемые М.Н. Хангаловым три класса охотников: высший, средний, низший. Первые два класса были обязаны принимать участие в облавах и военных действиях, при разделе добычи получали свой пай (хуби) и имели право голоса в решении различных вопросов. В высший класс входили руководители облавы (галша, тубша, газарша), кузнецы, их дети,

родственники. Средний класс составляли те, кто имел коня и мог выезжать верхом на облаву или войну. Низший класс состоял из безлошадных бедняков, они не участвовали в облаве, а выполняли на охоте черновую работу. Состав этих классов был подвижным. Бедные люди из низшего класса, приобретая состояние и коня, могли перейти в средний класс и получить все права и обязанности члена облавы.

Из приведенного материала видно, что главным условием для вступления мужчин в состав охотников и воинов являлось наличие верхового коня. М.Н. Хангалов отмечал: "Тот зэгэтэ-облавец, который имел коня, имел и право голоса в делах, принимал участие в облавах на зверей и различных военных действиях и получал свой пай (хуби) из общего раздела". Такое положение было обусловлено характером экономического базиса, сам ХКТ кочевников-скотоводов с присущей ему верховой охотой и военным делом (конница) определял необходимость конного охотника и воина-всадника.

Много времени на облаве уделялось проведению игр (стрельба из лука в мишень, борьба, скачки, ломание берцовой кости животных и др). Сказители (*улигершины*) рассказывали мифы, легенды, сказки, через которые приобщали молодое поколение к истории своего рода.

По данным М.Н. Хангалова, в облаве принимали участие мальчики, начиная с 12 лет. Из других источников явствует, что буряты с восьми лет учились стрельбе из лука, а с десяти принимали участие в облавных охотах, часто приближающихся к военным действиям. Полевые исследования, показывают, что эта традиция сохранилась до начала XX в.

Социализация подростков (в данном случае мальчиков) в бурятском обществе проходила, вероятно, в рамках проведения облавных охот, которые во многом были адекватны мужскому союзу. Первое участие мальчика в облаве было равносильно переводу его из одного возрастного класса в другой, а испытания, которым он подвергался во время охоты, были равносильны инициационным. Во время облавы мальчики приобщались к родовому огню, различным обрядам, преданиям и мифам - все это составляло систему инициационных ритуалов, сопутствующих переводу мальчиков в возрастной класс взрослых людей (мужчин).

Для кочевников характерен инициационный комплекс, в котором большое место занимают действия, связанные с конем: объездка коня, его приручение. Переход мальчика в возрастной класс юношества знаменовался дарением ему жеребенка, а также праздником по случаю сажания мальчика на лошадь.

На существование пережитков возрастных классов у монголоязычных народов указывает существование обрядов, связанных с вступлением человека в следующие возрастные периоды: 13, 25, 49, 60, 73 и 85 лет (*Ринчен. 1975. С. 190*). Особое место в возрастных ступенях занимало 13-летие, в этом возрасте у монголов наступало совершеннолетие, с этих пор юноши должны были нести службу в ополчении и участвовать в облавных охотах (*Владимирцов. 1934. С. 164, 181*). Подобная картина наблюдалась и у других народов. Киргизы приучали мальчиков к охоте в возрасте 10-12 лет (*Айтбаев. 1959. С. 89*). Суровую школу будущих охотников проходили шорские мальчики (*Потапов. 1936. С. 24*). Мусульманский обряд обрезания совершался у мальчиков 5-9 лет, но обязательно до 12 лет. Обряд обрезания являлся актом свидетельства зрелости мальчика, с этого момента он мог жениться.

У монголов известен обряд помазания пальца мальчика, впервые убившего зверя на облаве: "Обычай же монголов таков, что в первый раз, когда мальчики охотятся, их большому пальцу (на руке) сделают смазку, то есть натирают мясом и жиром. Известно, что когда Чингисхан смазал пальцы Хулагу-хану и Хубилаю, впервые подбившим зверя, им было 9 и 11 лет" (*Рашид-ад-дин. 1952. Т. 1. Кн. 2. С. 229-230*). Аналогичный обряд встречаем у киргизов. Когда молодой охотник приносил первую добычу, проводили обряд посвящения в охотники, который заключался в том, что посвящаемый преподносил крестец (самый лакомый кусок) добытого им зверя старому отважному охотнику. Последний, в свою очередь, одаривал юношу некоторыми предметами из своего охотничьего снаряжения. При этом, благословляя, он прикусывал большой палец правой руки своего ученика (*Айтбаев. 1959. С. 89*).

Существование рудиментов мужских союзов и возрастных классов в облавных охотах бурят подтверждается также тем, что здесь зарождалась военная дружина. Связь облавных охот с военными маневрами очевидна, облава кочевников представляет собой своеобразную школу военного искусства. Это отмечали средневековые историки: "Родятся и вырастают на седле и на лошади, они сами собой научаются сражаться, потому что вся их жизнь круглый год проводится на охоте. Оттого у них нет пехоты, а все конница" (*Васильев*. 1859. С. 224).

Русские военные исследователи в работах о военном искусстве монголов указывали на то, что последние "учреждали охоту, которая служила не только средством пропитания, но и школою войны ... во время которой соблюдались все военные правила и предосторожности" (*Иванин*. 1846. С. 10).

Состав, численность, подразделения, вооружения облавщиков и армии были идентичны, то есть практически охотник был одновременно воином, а охотничье сообщество было адекватно военной дружине (*Жамбалова*. 1991. С. 109). М.Н. Хангалов писал: "Каждую зэгэтэ-аба можно представлять не только артелью охотников, а военным отрядом... Нередко, может быть, зэгэтэ-аба устраивались исключительно с военной целью" (*Хангалов*. 1958. Т. 1. С. 17).

В истории сохранились факты военных действий у бурят. Одним из примеров этого служат восстания бурят XVII в. против притеснений, погромов и грабежей местных чиновников. Отряды восставших бурят, по донесениям служилых людей, были многочисленны: Курбат Иванов встретился "с отрядом бурят в 500 человек... Когда служилые люди, захватив добычу и пленных, возвращались в острог, на них внезапно напал бурятский отряд, имевший до 2000 человек" (*Кудрявцев*. 1940. С. 62-63). Представляется интересным, что во время восстания 1645 г. буряты "облегли кругом" Верхоленинский острог. У бурят традиционная тактика ведения войн и обложения зверя - окружение. Донесения служилых людей дают описание вооружения бурят в начале XVII в.: "Приходят братские люди войною на конях, збруйны, в куяках, шишаках, а бой у них лучной и копейной, и сабельной" (*Кудрявцев*. 1940. С. 62—63).

Идентичность облавных охот и военного дела у средневековых кочевников позволяла им под видом проведения облавы в пограничных районах совершать набеги на своих оседлых соседей: "Они (хунны) в нескольких десятках тысяч конницы занимались охотой близ границы, нападали на пограничные посты и уводили чиновников и народ в плен" (*Бичурин*. 1950. С. 79). Облавы служили маскировкой, вводили в заблуждение противников и тем самым обеспечивали внезапность вторжения в чужеземные владения: "Каждому с 10 000 конницы произвести облаву подле китайской границы, и будто бы нечаянно встретившись вместе, вступить в пределы Китая... Тукюесцы вступали со своим войском в Шочжеу под предлогом звериной ловли" (*Бичурин*. 1950. С. 84, 254).

Неразрывность войны и охоты была обусловлена идентичностью производственной базы охотничьего хозяйства и материального базиса военного дела, а также применением одинаковой в обоих случаях стратегии и тактики. Принципиальная структура облавной охоты адекватна тактическим способам ведения военных действий. Общим для них является троичное горизонтальное деление: левое крыло, правое крыло, центр. Эта традиция имеет глубокие корни и уходит в древность, ее реминисценции сохранились в бурятской этнической среде. В начале XX в. при проведении облавы охотники делились на левое крыло *зун гар* и правое крыло *барун гар*, что соответствует восточному и западному крыльям. По степной традиции главенствующим считалось восточное крыло (*Таскин*. 1968. С. 40).

Оппозиция "левый-правый" находила отражение в административно-территориальном устройстве кочевых объединений. Автор "Танхуйяо" пишет о западных тугю: "Еще разделились на левое и правое крыло. Левое крыло называлось пятью поколениями Дулу. Учредили (для них) пять великих чжо Правое крыло называлось пятью поколениями Нушиби. Учредили (для них) пять великих сыцзунь, они вместе назывались аймаками 10 фамилий" (*Кюнер*. 1961. С. 192). В эпоху средневековья, характеризующуюся войнами, административно-территориальное деление было равнозначно военному подразделению.

У бурят прослеживается принадлежность родов и улусов к определенным охотничьим сообществам. Косвенным доказательством этого может быть существование названий облав, выявленных М.Н. Хангаловым: тайтурукская, хэрмэнская, узурцаганская, байтогская и др. Вероятно, отношение к конкретной облаве находилось в прямой связи не только с родовой, но и территориальной принадлежностью. Возможно, это деление было традиционным и постоянным и передавалось из поколения в поколение, что соответствовало быстрой организационной перестройке при военной необходимости.

Существовавшая взаимосвязь облавной охоты и военного дела обусловлена и тем, что воинское воспитание проводилось в ходе традиционной производственной деятельности и во многом сформировалось в рамках ведущего ХКТ. Это имело давнюю традицию. Средневековому историку удалось в нескольких строках показать возрастные этапы военной подготовки у сюнну: "Мальчики умеют ездить верхом на овцах, из лука стрелять птиц и мышей, постарше стреляют лисиц и зайцев, которых затем употребляют в пищу; все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся кочевыми латниками" (Таскин. 1968. С. 34).

Облавная охота представляла собой устойчивую традицию, сохранение которой в течение длительного периода в немалой степени обуславливалось представлениями народа о космическом порядке, ибо космос означал порядок и мог прилагаться, по мнению С.С. Аверинцева, "либо к воинскому строю, либо к государственному устройству..." (Аверинцев. 1975. С. 266). В процессе облавы происходило своеобразное освоение пространства, которое ассоциировалось в сознании людей с процессом превращения хаотичного, дикого, чужого пространства в упорядоченное, культурное, свое, поэтому охота идентифицировалась с ловом зверей в своих родовых владениях. Непременным условием такого подхода к облавной охоте было проведение ритуальных действий. Можно полагать, что обрядовая сторона коллективной облавной охоты бурят имела не меньшее значение, чем экономическая. Она придавала охоте эмоциональную окраску, направленность и смысл, вносила в технические и технологические приемы идеологические нюансы. Ритуальная сторона охоты тем самым способствовала обеспечению максимально устойчивых связей между организацией жизни коллектива и космическим порядком.

Семантика облавной охоты может быть соотнесена с важнейшими категориями картины мира у человека. Существенная часть этого мировоззрения связана с сакральным отношением к кругу. Для монголоязычных народов характерно моделирование пространства посредством круга. Семантика круга, прослеживаемая по материалам облавной охоты, лежит в области пересечения трех факторов: технологического, пространственного и социального. С кругом соотносится солярный культ. Солнце символизируется кругом на основании формы и в силу кругового характера суточного и годового движения.

Близким солярному культу представляется бурятский хороводный танец *ёохор* (др. название - *наадан, хатарха*), когда танцующие, образовав круг, передвигаются по направлению солнца. Этот хороводный танец по своему рисунку и ритмике близок структуре облавной охоты (в свое время он послужил М.Н. Хангалову одним из источников для реконструкции облавной охоты), что имеет важное значение, поскольку оба памятника истории и культуры типологически относятся к одному временному пласту и в общем контексте отражают древнейшие обряды, связанные с отправлением астральных культов. Хоровод носил магический характер и был прямым воспроизведением производственных действий, в частности, облавной охоты, и одновременно иллюстрировал космологическую символику данной культуры (Жамбалова. 1991. С. 114; Дугаров. 1991. С. 85-89).

С мировым огнем - солнцем - ассоциируется огонь. Культ огня у бурят распространен широко. Прежде всего обращает на себя внимание высокое положение в охотничьем сообществе хранителя огня, жреца огня (*галша*). Высокое, а впоследствии почетное место галши в охотничьей иерархии было связано, вероятно, с тем, что огонь на облаве олицетворял идею родового неугасимого огня. Довольно

большое количество терминов облавной охоты, по мнению Т.А. Бертагаева, образовано от слова "огонь" в форме *ут-от*. Таково слово *отог*, которое осмысливалось монголами как "концы охотников в облаве", то есть место, откуда начинается развертывание флангов облавы. От этой же основы образованы слова: *отор* — "малая облава"; *отох* — "выслеживать, подстерегать, караулить"; *отголох* — "заканчивать, конец облавы" (Бертагаев. 1973. С. 124—125).

В обрядовой практике бурят стрела используется довольно широко. В начале и конце облавы главный распорядитель охоты устраивал моления охотничьим духам, при этом он держал в руках стрелу. Лук и стрелу использовали при разрешении спорных вопросов на облаве: забайкальские буряты правым среди спорщиков считали человека, попавшего в установленную на расстоянии 25 луков берцовую кость (*Вамбоцыренов*. 1890. С. 34). Прибайкальские буряты у "виновного берут шапку, кладут ее посредине стойбища и главный староста или судья, обращая глаза к небу, кричит, взывая к тэнгэри-бурхану, заклинает и обличает виновного при всех и стреляет из лука стрелой вверх, над самой шапкой: если стрела упадет в шапку, значит обвиняемый действительно виноват" (*Туркин*. 1899. С. 5). М.Н. Хангалов считал, что *хур харбан*, современный праздник стрельбы из лука (сурхарбан), первоначально возник как своего рода общественный суд (*Хангалов*. 1958. Т. 1. С. 227). Характерно, что по окончании облавы охотники старались собрать все выпущенные ими стрелы. Несомненно, это имело практическое значение, но вместе с тем определялось и сакральным характером стрелы. Лук и стрелы помимо утилитарных обладали и символическими свойствами ("знаковостью") (*Жамбалова*. 1991. С. 116-118).

На ранней стадии исторического развития монголоязычные народы опоясывали круг облавы волосяными веревками (*зэг*). Однако и здесь наблюдается двойственное значение предмета: с одной стороны, техническое, с другой - символическое, "знаковое". Веревка из конского волоса (*зэг*) близка другим сакральным атрибутам, сходным по форме: эли, зала, которые в поздней интерпретации видоизменяются. На основе функциональной однородности можно выделить семантический ряд: конский волос - *зэг* (веревка из конского волоса) — тетива лука - *зала*, (лента, шелковый шарф) - *хадаг*. Безусловно, наиболее ранней формой является *зэг*. В коллективной охоте бурят основное символическое значение *зэг* состояло в том, что это был оберег, знак запрета, граница. Волосяная веревка, очерчивая круг своего (освоенного) пространства, отделяла его от чужого (дикого).

В космогонических представлениях бурят имела место корреляция земного устройства с небесным, космическое устройство мира моделировалось по подобию земного, что находило отражение в ритуально-мифологических схемах. В бурятской мифологии существует предание о разделении небесных божеств (*шэнгэри*) на западных и восточных. Здесь, несомненно, налицо дуалистическое представление о мире, где западные тэнгри символизируют все радостное и жизнелюбивое, с ними связано понятие о белом, светлом и дневном. Не случайно они охарактеризованы эпитетом "белые небеса", "праворучные" (если встать лицом к югу, к солнцу в его зените, запад будет светлой стороной, восток — теневой). Восточные тэнгри в сознании бурят олицетворяют тьму, мрак, ночь, холод, жестокость и смерть. К ним применяют эпитет "черные небеса". Деление небес на белые и черные символизировало вначале "дневное" и "ночное" небо.

День - это свет, тепло и жизнь, значит, добро; ночь - тьма, мрак, холод, болезнь и смерть, значит зло (*Бертагаев*. 1974. С. 411).

Это понимание мира материально реализуется бурятами в общепонятных для них сюжетах и образах: разделение тэнгри на западных и восточных объясняется конфликтом между руководителями правого и левого крыльев большой облавной охоты из-за должности главного предводителя облавы. Из-за невозможности справедливо решить этот спор каждое крыло образовало отдельную облаву и стало самостоятельной единицей (*Хангалов*. 1958. Т. 1. С. 57). С другой стороны, деление на 55 и 44 тэнгри представляет собой любопытный факт, который показывает, как в процессе модификации древний персонаж (тэнгри) подвергается сегментации по образцу социально-военного деления общества.

Проведенная реконструкция принципиальной модели коллективной облавной охоты позволяет характеризовать ее как неотъемлемый элемент ХКТ кочевников-скотоводов центральноазиатского ареала. Историко-этнографическая интерпретация терминологии облавной охоты бурят показывает ее широкое распространение на всей этнической территории. При этом в Предбайкалье сохраняется наиболее архаичный пласт, что объясняется консервативными свойствами периферийной зоны.

В материалах, связанных с коллективными охотами бурят, сохранились детали социальной и половозрастной стратификации общества, нашли отражение культурно-символические ценности разных стадий развития общества. Иерархическое деление сообщества охотников отражает социальную структуру общества. Ярко выраженная половозрастная направленность облавной охоты содержит в себе некоторую информацию о сохранившихся в бурятской среде рудиментах возрастных классов и мужских союзов. Имеющийся материал выявляет близкую связь облавы с военными маневрами, что даст, в свою очередь, возможность рассмотреть на уровне ХКТ военное дело кочевых народов Южной Сибири. Смысловое значение основных элементов облавной охоты, ее идеологическое содержание коррелируют с космогоническими представлениями народа, что связано со спецификой взаимозависимости материальной и духовной сфер культуры.

Название	Автор	Источник	Дата создания	Жанр	Просмотры
Облавная охота бурят как отражение ранней формы социальной организации	С.Г. Жамбалова	Буряты. Серия: Народы и культуры. М. Наука. 2004	2004	Научная работа	85

Тема: Народы вокруг Байкала. Этнография; Иркутская область; Буряты. Серия "Народы и культуры"; Научные работы; Разбивка по темам; Разбивка по географии

Рубрика: Библиотека по теме "Народы вокруг Байкала. Этнография"; Народы вокруг Байкала. Этнография; Иркутская область

Последнее изменение материала в Иркипедии: 19 ноября 2013 г.